

Abdurakhmanov Mukhammadjon Gyulomjonovich
Namangan State University, Namangan, Uzbekistan

Karabayeva Barno Bobir qizi
Uzbekistan State World Languages University,
Tashkent, Uzbekistan

INFLUENCE OF NO-EQUIVALENT LEXICO ON THE PROCESS OF CHANGING THE FOREIGN STANDARDS OF THE UZBEK LITERARY LANGUAGE

This article is devoted to research without equivalent vocabulary as one of the factors of changing the norms of the Uzbek literary language. Based on the analysis of cases of use without equivalent vocabulary in the speech material of the republican newspapers, the author notes her significant influence on the process of democratization of the literary norm.

Keywords: without equivalent vocabulary, real words, lacunae, term, interjection, onomatopoeia, exotism, abbreviation, language norm, democratization of norm.

ВЛИЯНИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена исследованию без эквивалентной лексики как одного из факторов изменения норм узбекского литературного языка. На основе анализа случаев употребления без эквивалентной лексики в речевом материале республиканских газет автор констатирует ее существенное влияние на процесс демократизации литературной нормы.

Ключевые слова: без эквивалентная лексика, слова-реалии, лакуна, термин, междометие, звукоподражание, экзотизм, аббревиатура, языковая норма, демократизация нормы.

Особенности языка, обусловленные спецификой, обслуживаемой им культуры, отчетливее всего проявляются на лексическом уровне, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью. В лексическом составе любого языка выделяется так называемая без эквивалентная лексика, т.е. обозначения предметов и явлений, характерных для данной культуры и отсутствующих в культуре народа, носителя сопоставляемого языка.

На протяжении ряда десятилетий к без эквивалентной лексике как феномену языка и речи было обращено исследовательское внимание представителей различных теоретических и прикладных областей языкознания, таких, как теория и практика перевода, лингво страноведение, лексикография, семасиология, методика преподавания иностранных языков и др. В ряду ученых, внесших существенный вклад в теоретическую разработку этого явления можно назвать Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера, Г. Д. Томахина, С. Влахова, С. Флорина, В. С. Виноградова, А. О. Иванова, И. А. Стернина и мн. др.

Сам термин «безэквивалентная лексика» впервые употреблен в работах Г. В. Шаткова, который рассматривал способы перевода безэквивалентных лексических единиц в русской публицистике советского периода на норвежский язык и относил к безэквивалентной лексике имена собственные, национальные реалии, слова с национально-экспрессивной окраской, лексику с суффиксами субъективной оценки. Под безэквивалентной лексикой Г. В. Шатков понимал слова или отдельные значения полисе мантов (прямые или переносные), не имеющие в данный исторический период «готового» точного соответствия в лексике другого языка [3. С. 11].

Современные исследователи феномена безэквивалентной лексики достаточно строго подходят к ее определению, полагая, что издавна

бытующее в языкознании «определение безэквивалентной лексики как *слов, отсутствующих в иной культуре и ином языке*, неудачно, потому что это можно сказать практически о любом слове исходного языка» [2. С. 80]. В связи с этим, одни исследователи отождествляют ее со словами-реалиями, другие понимают ее как слова, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, третьи – как слова, неперебиваемые на другой язык. Наиболее близкой нам является точка зрения С. Влахова и С. Флорина, которые помимо слов-реалий (географических, этнографических, общественно-политических) включают в состав безэквивалентной лексики термины, междометия, звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения и отступления от языковой нормы [1. С. 43]. Сюда же, на наш взгляд, следует относить слова с национально-экспрессивной окраской и субъективно-оценочные производные. В то же время недопустимо смешение категорий *безэквивалентного* и *неперебиваемого*. Неперебиваемое может включать в себя не только собственно лексику данного языка, но и иноязычные вкрапления, окказионализмы и другие неузуальные явления.

Обращаясь непосредственно к предмету настоящей статьи – безэквивалентной лексике в современном узбекском языке, рассматриваемой как один из факторов изменения его норм, – необходимо кратко охарактеризовать языковую ситуацию в современном Узбекистане.

Став суверенным государством, Узбекистан встал на путь проведения поэтапных реформ во всех сферах жизни государства и общества. За последние двадцать лет в нашей стране произошли кардинальные позитивные перемены, ориентированные на формирование гражданского общества и рыночной системы экономики. Все это не могло не отразиться и на существующей языковой ситуации в Узбекистане и в целом на узбекской языковой картине мира. В частности, процесс интеграции Узбекистана в мировое сообщество влечет за собой не только расширение его экономических связей, но и усиление межкультурных и межъязыковых контактов. Одним из следствий этого является то, что в современной узбекской

устной и письменной речи наблюдается большое количество заимствований из иных языков, в различной степени ассимилированных в узбекском языке. Видное место среди них занимают фонетические кальки слов английского, русского и некоторых других языков, которые и обнаруживают себя как безэквивалентная лексика в современной узбекской речи.

Наиболее широко безэквивалентная лексика представлена в живой разговорной речи городских жителей, прежде всего, молодежи. Здесь, по нашим наблюдениям, неадаптированные англицизмы и русизмы обладают чрезвычайно высокой частотностью и совершенно отчетливо объединяются в конкретные лексико-тематические группы, а именно: «компьютер и информационные технологии», «наименования средств мобильной сотовой связи», «терминология компьютерных игр», «марки и детали автомобиля» и некоторые другие. Приведем в качестве примера техницизмы, составляющую, по нашим наблюдениям основную массу слов первой из указанных групп: *байт, винчестер, дисковод, дисплей, монитор, картридж, курсор, принтер, процессор, сканер* и мн. др. Слова этой группы по сути дела входят и в литературную речь на правах интернациональных терминов, подвергшихся детерминологизации в большинстве языков, контактирующих с узбекским языком. Несколько иная картина наблюдается с тем, что называется «язык геймеров». В речи посетителей компьютерных игровых клубов отмечаются не нуждающиеся с точки зрения данного микросоциума практически все термины английского (реже – русского) интерфейса популярных компьютерных игр (слова типа *upgrade* (улучшать свойства персонажа), *unite* (персонаж), *device* (устройство для игры), *save* (точка сохранения игры), *config* (индивидуальные настройки), *lag* (время передачи сигнала от сервера к клиенту и обратно), *cheat* (нечестный прием в игре)). Разумеется, все приводимые примеры носят характер жаргонизмов и имеют мало общего с литературным языком, однако их широкое и достаточно устойчивое употребление является весьма симптоматичным, ибо является свидетельством процесса

демократизации литературной нормы, чего еще до недавнего времени не наблюдалось.

Примеры расшатывания литературных норм с привлечением безэквивалентной лексики широко представлены в письменной речи. Например, их можно встретить в рекламных текстах, размещаемых как на уличных баннерах, так и на страницах периодической печати. Таковы же названия различных фирм, наименования коммерческих акций и проектов, наименования экзотических блюд, а также относящиеся к различным лексико-тематическим группам иноязычные аббревиатуры. Вот далеко не полный перечень явлений, могущих вызвать обоснованное негодование пуристов. Причины широкого распространения безэквивалентных лексем этого типа кроются, на наш взгляд, не столько в их лакунарности, сколько в коммерчески оправданной броскости, заведомо рассчитанной на известную непонятность и заинтересованность.

Наконец, в качестве одного из активных процессов собственно в литературном языке можно обозначить процесс заимствования из английского и русского языков социально-политической, экономической и научно-технической терминологии. Чаще всего это так называемая интернациональная лексика, восходящая к латинским основам. Ср.: «Истиқлолга эришгандан сўнг Ўзбекистон томонидан *ратификация* қилинган дастлабки халқаро ҳужжатлардан бири Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон *декларацияси* эди» (Газета “Ўзбекистон овози”, 2013, № 93, С.3). Столь же часты в газетной речи транслитерируемые, но непере译имые английские аббревиатуры, ср.: «Тадбир Ўзбекистон Соғлиқни сақлаш вазирлиги ва ЮНИСЕФнинг малактимиздаги ваколатхонаи ҳамқорлигида ташкил этилди» (Газета “Ўзбекистон овози”, 2013, № 92, С.1). Ясно, что процесс ассимиляции иноязычной лексики лишь дополняет собой чрезвычайно активные в современном узбекском газетном дискурсе процессы морфологической и синтаксической деривации. Однако сама необходимость столь частого появления новых языковых сущностей не может не сказаться на состоянии норм языка в целом, равно как и на отношении к ним со

стороны носителей языка. Так, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что язык узбекской журналистики постоянно движется в сторону демократизации литературной нормы. Это явление обусловлено постоянной потребностью адекватно отражать средствами речи все новые и новые реалии, порождаемые и приносимые прогрессом.

Это же самое можно сказать и о современном узбекском литературном языке в целом, поскольку процесс демократизации языковых норм из живой разговорной речи и газетного дискурса закономерно распространяется на все иные разновидности литературного языка, что предполагается самой природой языковой нормативности: «Нормативность проявляется в языке в двойном плане: нормативность как совокупность реально используемых в языке лексем, словоформ, языковых конструкций и нормативность как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств» [4. С. 337]. Второе диктует норме известную динамичность и податливость по отношению к внешним факторам. На данном этапе, как уже отмечалось, возникло множество культурно-исторических предпосылок для изменения норм узбекского литературного языка. К числу же собственно лингвистических факторов, определяющих ход этого процесса, мы относим тенденцию к систематическому использованию безэквивалентной лексики.

Список литературы

1. Влахов, С., Флорин, С. Непереводимое в переводе / С.Влахов, С.Флорин. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Иванов, А.О. Безэквивалентная лексика / А.О. Иванов. Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 192 с.
3. Шатков, Г.В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1952. 20 с.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред Н. В. Ярцева. - 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. 685 с.

References

1. Vlahov, S., Florin, S. Untranslatable in translation / S.Vlakhov, S. Florin. Moscow: Higher School, 1986. 416 p.
2. Ivanov, A.O. Equivalent vocabulary / A.O. Ivanov. St. Petersburg University Press, 2006. 192 p.
3. Shatkov, G.V. Translation of Russian equivalent vocabulary into Norwegian: Dis cand. Philol. Sciences. M., 1952. 20 p.
4. Linguistics. The Encyclopaedic Dictionary / Ch. Edited by N. V. Yartsev. - 2 nd ed. M.: The Great Russian Encyclopedia. 1998. 685 p.

Author information

Abdurakhmanov Mukhammadjon Gyulomjonovich

Since 2016: Teacher of Namangan State University

Date of birth:

24.09.1978

Nationality: Uzbek

Education: The highest

I have ended:

- 2001. Namangan State University bachelor's degree
- 2003. Namangan State University masters degree

E-mail: abfdurakhmanov@mail.ru

Phone number: +998945048724

Karabayeva Barno Bobir qizi Uzbekistan State World Languages University,
Tashkent, Uzbekistan

Since 2016: Senior researcher at Uzbekistan State World Languages
University

Nationality: Uzbek

Education: The highest

I have ended:

- 2011. Uzbekistan State World Languages University bachelor's degree
- 2013. Uzbekistan State World Languages University master's degree

E-mail: girl_1612@mail.ru